

прямо бог”

43

Мы все время хохотали. Единственное, в чем моя вина: когда были праздники дома, гости приходили, я Борю никогда не пускала за общий стол к взрослым. Боялась, вдруг анекдот какой расскажут или слово какое. Я ему на кухне все сервировала, телевизор — сиди, смотри. А у нас веселье, хохот. И Борька классе в восьмом мне сказал: «Вот я вырасту, у меня будет своя компания, и я тебя тоже звать не буду». И теперь я получила это сполна. Мы едем в машине как-то после концерта, и я слышу, он по телефону говорит, что такой-то приехал — пусть заходит, еще кто-то. Я говорю: «Боренька, а можно я пойду тоже?» — «Ма-тушка, только если ты будешь молчать». Я говорю: «Да нет, я не поеду» — он меня так благодарно поцеловал. Отец всегда был рядом. Борька не может это понять и оценить, хотя он все черты отца абсолютно перенял. Боря очень похож на отца. Такая же скромность невероятная, благородство, порядочность. Только бывает более несдержанный и вспыльчивый. Я как-то мужу сказала, что любовь — это такое чувство, нахлынет внезапно — и как стихия. А он мне спокойно ответил: «Какие глупости! Вот я тебя люблю и знаю, что буду любить всю жизнь. И никаких стихий». Муж был очень остроумный, а в Борьке я этого не замечала до некоторого времени. Чо уже в 80-е прихожу к нему домой и вижу, что он что-то показывает, все смеются. То есть для кого-то он может остеречь, только передо мной нет.

«он всегда гасил конфликты»

Когда он закончил 8-й класс, снимался в фильме Ясана по Андрею Битову. И съемка какая-то долгая за городом была именно в день выпускного вечера. Я стою, встречаю Борьку на платформе, окруженного какой-то шпаной. Я спрашиваю: «Что это за ребята были?» — «Я сел у окошка в электричку. Ко мне подсели эти ребята хулиганского вида. Стали петь песни блатные и похабные. У них гитара была. Я попросил гитару и стал свой репертуар петь». Так они его на платформе благодарили, обнимали, говорили, что они его друзья. Он всегда гасил конфликты. Уже потом, в университете, они поехали в колхоз, пошли на танцы. Местным девушкам интересно со студентами танцевать, а ребята собрались местные — и сразу драка, мордобой. Борька некоторых из них уже знал. Он вмешался в толпу и стал к ним обращаться: «Сенька, помнишь... Витька, ты знаешь...» — и снял напряжение. Это абсолютно отцовская в нем черта. Борька был ленивый, получал замечания в школе, и, чтобы его перевести в математическую школу, я где-то хлопотала. Муж мне говорил: «Ну что ты его хочешь отдать в эту математическую?» Я отвечаю: «Чтобы он не попал в армию». А муж отвечал: «Пусть сам все делает. Пусть в армию — что страшного?» Только в этом мы с ним и расходились во мнениях.

«в кино я его не просто водила, я его туда вбивала»

Ходили ли мы с ним в кукольный театр — не помню. Но с бабой Катей в Малый оперный он пошел на балет «Айболит» лет в пять. Первый акт он тихо ругался, второй акт Борька бил ее ногами. Дальше они ушли, и больше на балетных спектаклях он не был. Для него, видимо, имело значение слово, а то, что эти придурки вихляются и ничего не говорят, его раздражало. Оперу я сама не любила. А в драматические театры мы с ним ходили. В кино я его не просто водила, я его туда вбивала. Что это было?! На «Великолепную семерку» не пускали детей. Я готова была разнести весь зал, но чтобы пустили. Когда Борьке было от тринадцати до четырнадцати лет, я приехала к нему в Сестрорецк и увидела, что весь кинотеатр облеплен малышней и все ухом к щелям прижимаются. «Фантомас» — до 16 лет не пускают. Борька мечется из угла в угол. Я ему говорю: «Хочешь — добивайся. Я тебя переодену девушкой. Так ты сойдешь за 16-летнюю» — «Ничего кроме позора не выйдет!» Я говорю: «Пытайся». Надела на него плащ — он шипит, косыночку, волосы взбила и покрасила губы. Так и пошла. Он идет и шипит: «Позор, позор». Я отвечаю: «Тише, и никакая мимика на лице, а то сразу проступают мужские черты». Билетерша посмотрела на нас: «Такая молодая, а губы покрашены!» — и пропустила. Борька не верил: «Мы попали!!!» Я объясняю: «И обратно пойдём так же». Никто из знакомых не узнал, не увидел.

«я еще много не знаю, откуда ж я знаю, чего я могу хотеть?!»

Понятия не имею, кем Борька хотел быть в детстве, и я ни о какой профессии для него специально не думала. Я ему говорила в восьмом классе: «Боренька, у женщины бывает семья, дети, и ее это устраивает. Но мужчина должен заниматься только той работой, которую любит. Прислушайся к себе, пойми, чем бы ты больше всего хотел заниматься?» Он ответил: «Но я еще много не знаю, откуда ж я знаю, чего я могу хотеть?! Ну мне нравятся физика и математика». Пошел в математическую школу и сказал: «Математика больше нравится». Пошел на факультет прикладной математики и на 3-м курсе сказал: «Мне нравится только музыка». Но я ему ответила: «Тебе осталось два года. Ты или закончишь спецкафедру в университете, или пойдешь в армию. Так что закончи, а потом делай что хочешь».

К счастью, к этому времени я уже успела прочесть Баратынского. Он написал: «Талант — это поручение, которое должно исполнить любой ценой. И собственная жизнь для этого только средство». Я все поняла — значит, у него талант и собственная жизнь только средство. Его пинали, ослепывали, таскали в милицию — но на него даже спеть все песни, которые в него были заложены. Он одержим этим.

«он жил в своей стране как у себя дома — и вдруг его вышвырнули за борт»

Отец умер, когда Боренька был на 3-м курсе. И его взяли во ВНИИКСИ на полставки, так что он работал. Учился и что-то у него с группой уже было. Но я тогда об этом ничего не знала. Он с утра уходил из дома, получал 20 копеек, и вечером обратно. После университета он остался во ВНИИКСИ, в математической лаборатории. Переводил с английского языка социологическую литературу для заведующего. Но это недолго продолжалось — его же после фестиваля в Тбилиси уволили с работы, из комсомола исключили.

Тогда исключение из комсомола было самым страшным — просто волчий билет. Борю вызвали в комитет комсомола Университета (он был на правах райкома) и сказали: «Дай билет». Он дал, а ему говорят: «Ты исключен». Я поехала в Москву к знакомым по пляжу (я 30 лет отдыхала в Сочи в санатории Дзержинского). Они говорят: «Когда к нам придет, можно будет что-то сделать. А сейчас в Ленинграде ничем помочь не можем». Я вернулась. Позвонила Володе Ходыреву (он раньше с мужем работал вместе, а к 80-му году уже Ленсовет возглавлял) и спрашиваю: «Ну куда он с волчьим билетом без комсомола на работу устроится?» Володя отвечает: «Не беспокойся, мы его пропесочим и восстановим». Так и произошло: пропесочили и восстановили. Но когда мы шли брать выписку об исключении и не знали еще, что будет дальше, я не понимаю, как я не умерла от горя. Он жил в своей стране как у себя дома — и вдруг его вышвырнули за борт. Не сказав, не объяснив. Это потому, что физики говорят: будущее и прошлое существуют одновременно. И его будущее меня поддерживало. Я только боялась, чтобы это исключение его не сломало. Но, слава Богу, уже были поклонники, концерты, выступления, друзья — и это было ему не так страшно. Я не помню, когда начала ходить на его концерты. Помню, было какое-то выступление в Кораблестроительном институте. Мне не особенно нравились его песни. Некоторые только... У него там королева была, все такое... И вот на полу в этом зале сидел грязный оборванный парень лет пятнадцати. И на лице у него было такое счастливое изумление. Я поняла, что он видел жизнь только с какой-то самой грязной стороны, а тут ему открылась другая сторона: женщину можно называть королевой, есть что-то другое в жизни. Но по-настоящему я поняла что-то на концерте в Петергофе в студенческом клубе. Своей аппаратуры у Бориной группы не было, они кооперировались с кем-то, кто играл на танцах. Полный зал набился, но все ходят туда-сюда. И ведущий говорит прямо со сцены: «Ну потерпите немного, скоро будет ваш интеллектуал играть». А ему из зала отвечают: «Да, это тебе не на танцах играть». Что было до этого, как — не помню.

«тебя всегда будут любить женщины»

Никаких девочек не помню. В 4-м классе он был влюблен в рыженькую, но она перешла в другую школу. А так я помню класс восьмой, ему звонят и говорят: «Тебя любит Лена, а Наташа не любит» — и так далее. Кладет трубку и сразу перезванивает, и я слышу по параллельному телефону: «Слушай, мы думали, что в этой строчке Beatles такое-то слово глагол, а это...» И все мне было ясно, что его интересует. Борьке было семнадцать лет, и он поехал в лагерь «Балтиец». Там была девушка старше него, она потом прислала письмо: «Ты так умен, так эрудирован для своих 17 лет и так красив и сам это понимаешь. Тебя всегда будут любить женщины». Но больше я о ней не слышала. Так что по поводу любви ничего не могу сказать — все время была только музыка. У меня никогда и в мыслях не было, что Боренька будет известным. Я хотела, чтобы он был счастливым. У него поручение, и этого вполне достаточно для счастья. Это самое главное. Больше счастья быть не может. Это поручение заполнило его по самую макушку, и внутрь к нему никто пробиться не может. Даже дети. Боря не может быть хорошим отцом. У него нет времени на это. Когда он приходит, он может улыбнуться, пойти навстречу в каких-то вопросах, сделать то, что детям нужно от него, денег дать — и все. У него ни на что нет времени и сил — только работа каторжная. Его путешествия, о которых столько пишу, — это только возможность от работы отряхнуться и где-то отдохнуть. Все, что он просит от окружающих, — не мешать ему работать.

Боря с бабушкой Екатериной (август 1954 года) Фото из личного архива Людмилы Харитоновны Гребенчиковой